

Скопин (3)

Терской области.

Ни ва матушки была ва Расеюшки,
Ва Расеюшки была, в каминной Маскве,
Што у ласкава у князя у Владимира,
У солнушки, у сына Сниславича,
Там сидела пир-беседушка пачотная,
Што чесная, хвальная, больна радашная.
Ани пьют та гуляют, праклаждаюца,
Да миждú сабой баяри выхваляюца:
Сильный хвалица сваёй силаю,
А багатый хвалица багачествам,
А убогий божей милостью.
Адин из них ни хвалица,
Ни хвалица Ставёр, улыбаица.
И возговарил Ставёр такавыји слависа:
«Ах, вы, вояси, князья-бояри,
Сильныји магучији вы богатыри!
Да нашли вы чем, баяри, выхвалятися,
Да нашли вы чем, баяри, виличатися?
Кабы хто из вас какой горат взял,
Каку силу атагнал, силу нивёрную;
Он Скурлаку бы сабаку в дикую степь загнал,
Да сымал бы он сабаки буйну голову далой,
Надивал жиё на ваструю на капьё,
Привазил жиё ва славный Киев-грат
Да фсиму бы миру на диковишу,
А князьям-боярам на чудовишу».
Вот б..ди Анютки за биду стала,
За виликую дасаду показалася.
Фставала Анютка са местичка,
Са таво ли места са куминава,
Са таво ли стула са вдавинава,
Брала Анютка залату чару,
Наливала ва чару зилинова вина,

Ва чáрачку клала зелья лютава.
Па крайм-та ефтай чары змéи лютыји сапят,
Па сридíни ефтай чары агонь-пóлымя гарит.
Паднасила ефту чáру Ставрú та Лавру,
Паднасила јиё Тимафéичу.
«Эх, ты вы́пий, Ставёр та Лавёр,
Да ты вы́кушай јиё, Тимафéивич!»
Как възгóварил Ставёр такавы́ји слависа:
«Эх, вы, вояси, князья-бóяры,
Сильныји, магучији вы бóгатыри!
Если ни пítь ефту чару — мне ни честь ни хвала,
Если вы́пить ефту чару — мне живóму не быть.
А знáйти, братцы, што я жинíлся,
А взял себе маладú-та жину ни у вáс, ни у нас,
Я взял-та јиё в каминной Маскве,
У ласкава у князя у Владимира,
У солнушки у Сниславича;
А взял я јиё са придáными.
Ва придáныји взял три́цать три жирипцá,
Три́цать три жирипцá да трицать три малатцá,
Уж как жéрибец пад жéрипца,
А мóладец пад мóлатца:
Наски вóстры, каблуки высаки
Да пат кáжным каблучком варабей пралитит,
А чорная варóна ни павёрница.
Ни тибé ли, бл..ть Аню́тка, ефту чáру пить?
Ни тибé ли, бл..ть Аню́тка, и живóй ни быть?»
Развирну́л он праву рúку,
Удáрил из ефтай чары па беламу лицу¹,
Загарéлась на Аню́тки цветна плáтица јиё².

(Записана М. Карпинским в ст. Червленой, напечатана в «Сборнике материалов для описания местн. и плем. Кавказа, Вып. XXII, 1897 г. «Русский былевой эпос на Тереке», отд. III, стр. 38-39)

1 Вместо: «ударил палкой, кинжалом», в Червленой говорят: «ударил из палки, из кинжала».

2 Вариант:

«Да пат кáжным каблучком варабéй пралитит,
А чóрная варóна ни павéрница.
Уш я взя́л та ефту чару зилино́ва вина,
Вылива́л та я Аню́тки ва белу жиё́ лицо,
Загарéлась на Анютки цветна платица жиё́.
Да тибé же, б..ть Аню́тка, ефту чару пить.
Да тибé же, б..ть бизбо́жница, и живой ни быть».

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград,
1915.